

Половина человечества плачет

Чингиз Айтматов дал эксклюзивное интервью «Российской газете»

Его книги знают и любят во многих странах мира. Уже первые произведения Айтматова — повести «Джамиля» и «Материнское поле» — имели такой успех, что в 1963 году тридцатипятилетний писатель был удостоен высшей в то время литературной награды — Ленинской премии. Да и последующие книги Айтматова неизменно вызвали большой резонанс и горячие споры остротой поставленных проблем, оригинальным сочетанием психологического анализа и мифологической образности. В последние годы писатель работает послом Кыргызстана в Брюсселе и в Москве бывает нечасто. Его нынешний приезд был связан с участием в международной встрече мэров городов и деятелей культуры, организованной столичной мэрией при участии ЮНЕСКО.

— Чингиз Торекулович, нынешнее событие невольно заставляет вспомнить знаменитый Иссык-Кульский форум, организованный вами в 1986 году, когда по вашему приглашению приехали писатели и деятели культуры, чтобы обсудить, как сообща сделать жизнь на планете лучше и гуманнее.

— Спасибо, что вспомнили, хотя нынешняя встреча гораздо масштабнее и по числу участников, и по кругу вопросов, которые мы обсуждали. Меня могут спросить: когда был Иссык-Кульский форум, многие люди в мире были полны радужных надежд о будущем человечества. Начались знаменитые встречи Горбачева с Рейганом, «холодная война» постепенно уходила в историю. Прошло тринадцать лет, и теперь уже «горячая война» идет в Европе, в Югославии...

Но это не означает, что в своих надеждах, своем стремлении к диалогу народов и культур мы заблуждались. Самое главное, что действует демократия, действует как система, что позволяет достойно решать проблемы, которые есть и будут всегда. Московский форум важен именно потому, и я считаю его уникальным событием, что речь шла о культуре мира. Я бы даже сказал, о культуре миролюбия. И на фоне того, что происходит в Югославии, такой форум предельно актуален.

— Но неужели вы серьезно думаете, что мастера культуры могут хоть как-то влиять на мировую политику?

— Могут и должны. Деятели культуры должны прежде всего стать ответственными. Ведь в той же Югославии все началось с того, что часть интеллигенции стала интерпретировать тревожащие всех вопросы. И такое происходило не только в Югославии... Как только деятели культуры начинают говорить о защите национальных интересов, становится на

позиции национального и религиозного эгоизма, они сразу дают толчок тем политикам, которые заинтересованы в разжигании вражды и ненависти. Так что сами видите, как может влиять интеллигенция на политику. Надо, чтобы это влияние все же стало только положительным.

— Недавно на наших страницах выступал академик Лихачев, который призвал ограничить показ фильмов, пропагандирующих насилие. Что вы думаете об этой проблеме?

— Мы эту тему тоже обсуждали на московской встрече. Концепция культуры миролюбия как раз и основана на том, чтобы возродить роль семьи, которая должна формировать человека и отвечать за него. Именно с семьи должно начинаться воспитание человека в духе гуманности, уважения к другим людям.

Увы, немало западных фильмов способствует обратному. Я полностью согласен с уважаемым академиком Лихачевым. Во многих фильмах — явная спекуляция на первичных инстинктах — голоде, страхе и сексе. На этом можно без конца спекулировать, ибо крупные кинокомпании при этом наживают свои капиталы. И ради этого они идут на все! Меня поразила такой факт. Недавно президент США Клинтон пригласил в Белый дом руководителя крупнейшей голливудской студии, чтобы призвать прекратить снимать фильмы, перенасыщенные насилием. Так никто не приехал!

К сожалению, эта аморальная индустрия перебралась и в Россию и ведет наступление на духовность.

Я не противник, а, наоборот, большой любитель кино. И прекрасно знаю, что в той же Америке, Европе снимается немало хороших и гуманных картин. Но те фильмы, где постоянно льется кровь, расширяются лбы, они

очень опасны. Вы понимаете, вся мировая культура основана на том, что смерть человека — это величайшая трагедия, трагедия вселенского масштаба. Еще с античных времен. И делать из смерти шоу, представлять ее как мало-значительный пустяк — недопустимо. Вот почему здесь я принципиально поддерживаю позицию вашей газеты и уверен, что ее разделяет абсолютное большинство читателей.

— Чингиз Торекулович, наверняка мимо вашего внимания не прошел роман-воспоминание Бориса Панкина «Четыре Я Константина Симонова» — удивительная, на мой взгляд, книга о нашей жизни и нашей литературе.

— Да, и у меня самое неожиданное впечатление от книги Панкина. Когда я посмотрел на название, то подумал: ну что еще можно нового сказать о Симонове? Но когда стал читать, понял, что это полный разворот темы, новый подход к документальной прозе, где сам автор активно соучаствует в том, что он описывает. Он сам в этой стихии, он сам действующее лицо. Что касается фигуры Симонова, то... У нас был период, когда все советское отбрасывалось. И заслуга Панкина, его книги в том, что многое возвращено на свои места.

Симонов, конечно, непростая личность. Есть в его творчестве и анахронизмы, и стереотипы того времени. Но немало и своего, подлинного, человеческого. И Панкину удалось поразительно точно и интересно для читателя любого возраста показать всю сложность и диалектику жизни того времени.

— Когда мы недавно беседовали с Борисом Дмитриевичем, я его спросил: как бы, по его мнению, Симонов отнесся к некоторым явлениям современной литературы? Панкин ответил: Симонов всегда выступал бы против любой цензуры, но смело и открыто критиковал бы то, что ему не нравилось, противоречило эстетическим и нравственным убеждениям. А как вы, Чингиз Торекулович, относитесь к тому, что происходит в нашей литературе в последние годы? Вас не смущает нравственный релятивизм многих книг, псевдоэкспериментаторство, использование ненормативной лексики?

— Вы, наверное, помните, что в конце 80-х годов писатель Виктор Ерофеев выступил со стать-

ей, в которой заявил о смерти советской литературы. Дескать, в условиях свободы советские писатели будут отброшены на обочину, а их место займут те, кого у нас запрещали, и молодое поколение писателей.

Что мы видим теперь? На прилавках магазинов мирно соседствуют, допустим, Набоков и Шолохов — у каждого есть свой читатель. Уверен, то, что было создано советскими писателями, что в свое время вызвало большой интерес, перевалилось за границу, останется.

Это мы видим и в кино. Ведь все старые картины, о многих из которых забыли даже мы, люди старшего поколения, каждый день показываются по телевизору, и зрители смотрят. Думаю, что у нас есть внутренняя избирательная система и то подлинное, истинное, что было сказано в прошлые годы, и сейчас нами воспринимается.

За современной литературой слежу от случая к случаю и пока ничего не могу выделить. Новая литература для меня как-то мало интересна. Но это не значит, что это не литература. Видимо, она другой природы. Я читал некоторые вещи Пелевина и Сорокина. Их способ видения действительности мне чужд и неинтересен. Я не хочу их обидеть или умилить, допускаю, что им также неинтересно мое творчество. Но пока больших открытий в литературе нет. Может быть, они будут, потенциал есть. Но смущает, что молодые хотя бы все перевернуть, отказаться от того принципа повествовательной литературы, который складывался веками и к которому я привык. Говорю это не потому, что я человек старшего поколения. Просто все эти эксперименты на Западе давно уже пройдены, и многие бывшие модными ниспровергатели традиций прочно забыты. А великая классика живет — от «Махабхараты» до Фолкнера. Кроме того, я убежден, что хорошая литература не может быть аморальной и бездушной. Вот у Пруста, который считается очень сложным писателем, просто был ошарашен одной простой фразой: «Половина человечества плачет». Мне кажется, что об этом не должен забывать ни один настоящий писатель.

— Многих читателей, уверен, волнует вопрос: почему мы

не видим новых книг Айтматова? В чем причина затянувшейся творческой паузы?

— Это самый болезненный для меня вопрос. Часто спрашивают, не завершается ли что-нибудь, скоро ли появится. Есть целый ряд замыслов, которые я ощущаю как что-то реальное, есть сюжеты, есть начало и конец повествования. Но нет времени, чтобы сесть и отписать. Нужен месяц-другой, чтобы изо дня в день работать с утра до вечера. Только тогда получается вещь. А так, как сейчас работаю — пять часов чего-то пишу, а потом пять дней не могу подойти к столу все это отвлечает.

Полностью отключиться от общественной жизни тоже не могу. Душа не терпит такого. В первые годы дипломатической работы еще как-то получалось, а сейчас не могу заставить себя сесть за стол. Но даю слово, что скоро все это изменится.

— В заключение просим вас дать совет мудрого человека: как в такое непростое время всем нам сохранить душевное спокойствие?

— Это очень непросто. Спокойствие зависит от многого — от отношений в семье до положения в стране и мире. Мне кажется, что большую роль должны играть средства массовой информации. Они должны успокаивать людей, а не вызывать у них раздражение и злобу. Но успокаивать не так, как это было в советские времена. Газеты должны писать о негативном, разоблачать зло и преступления. Но мы словно впали в другую крайность — и человека буквально осаждают информацией о скандалах, разоблачениях, заказных убийствах и тому подобном, смакуя до неприличия всякие детали. Между тем в жизни происходит немало хороших вещей. Люди работают, влюбляются, растят детей, совершают героические поступки, ставят спектакли. И об этом надо писать не меньше, а больше, чем о скандалах. Потому что скандалы приходят и уходят, а те ценности, что созданы трудом рук человеческих, остаются. И пока этот извечный порядок вещей существует, надежда, что жизнь наших детей будет лучше, чем наша собственная, не исчезнет.

Беседовал
Андрей ЩЕРБАКОВ.